

• ТОМ I •

Треснувшие плиты глухо отражали шаги. Сводчатые потолки в заплесневелой известке разносили эхо до небес. Темноту стремительно рассекал высокий господин. Шаг его был так скор, что за полами пальто клубился водоворот октябрьского морозца, захваченного с улиц и не успевшего пасть снежком в сених. Макушкой не доставал этот господин до потолков, но в арках, неведь зачем деливших прямой коридор на равные ниши, пригибался, чтобы не посадить с размаху шишку.

Черты лица скрывала чернота. Но легко было распознать человека крепкого сложения и неудержимого характера. Такого, что и в мороз обойдется без шапки, и шарфы презирает. Будто внутренний жар столь крепко жжет, что никаким катаклизмам не заставить этого человека кутаться. Стоит отметить, что господин сжимал в руке желтый чемоданчик, который, несмотря на быстроту шага, летел не шелохнувшись, как по ниточке.

В стенах безнадежно осели мутные сладковатые запахи гниения и хлорки. Но и эти ароматы робко отступали под напором нового, окружавшего господина плотным облаком, пропитавшего пальто и костюм. Казалось, и старая известка теперь пахнет вызывающе дерзко, чем-то имбирно-пиратским или по меньшей мере возбуждающим фантазии о тропических морях и дебрях Южной Америки.

Стремительный гость не обращал внимания на окружающую убогость, словно бывал здесь не раз. И что делать в захудалом месте тому, у кого в галстук поблескивает брильянт заколки, пиджак моден и свеж, а на пальце нескромно топорщится перстенок?

Тьма уперлась в керосиновую лампу, огонек в которой тлел ровно настолько, чтобы человек мог разглядеть контур облезлой двери с табличкой «Вход воспрещен». У таблички отгрызли левый угол. Господин не церемонясь рванул створку, так что в кулаке остался кусок металлической ручки, и вошел, а вернее сказать — ворвался в помещение, которое сразу показалось тесноватым. Хотя комната была не так уж мала. Потолок терялся в высоте, а кафельной плитки, покрывавшей стены, хватило бы на то, чтобы выложить ею бассейн.

Не тратя слов на приветствия, господин с порога заявил:
— Что это значит?

Вопрос был задан таким особо спокойным тоном, что распознать прямую и явную угрозу, вплоть до расправы кулаками, не составило труда. Любой, кому был бы задан этот вопрос, предпочел бы его не слышать. Уж слишком отчетливо гость воплощал собой сдерживаемую ярость. Однако на месте «любого» оказался человек не робкой, а внушительной комплекции, которую подчеркивал белый халат, туго затянутый на груди и в талии холщовыми ляжками. Он неторопливо стянул резиновую перчатку, затем другую, при этом не пасуя под прожигающим взглядом, а сдерживая его, как зарвавшегося коня.

— В чем, собственно, дело? — спросил он.

Гость потряс бумажным комком, стиснутым в кулаке дохлым птенчиком:

— Это я вас спрашиваю: что это вот значит?

— Не имею чести знать.

— Ах ты... — начал было грозный господин, но удержался за ниточку приличий, — ...что еще за субъект такой нашелся? Кто таков?

«Владелец» кафельной комнаты представился доктором Епифанцевым и в свой черед пожелал узнать, с кем имеет честь свести столь приятное знакомство. Обрушился шквал чинов и научных регалий, завершившийся именем, которое гремело по всей столице. Если не по всей, то по Департаменту полиции наверняка. На доктора явление знаменитости не произвело впечатления. Даже с места не сдвинулся, не подбежал ручку пожать и даже бровью не повел. Напротив, излишне равнодушно спросил:

— Очень приятно. Так все-таки, что вам надо?

Под ноги полетел бумажный шарик. Епифанцев не поленился нагнуться, расправил, взглянул, положил замученный листик на металлический стол, который располагался в удобной близости, и сказал:

— Здесь все изложено верно. Не понимаю вашего беспокойства.

— Беспокойства? О каком беспокойстве речь! Я в бешенстве, если угодно!

— Желаете капле успокоительных?

— Шуточки оставить для ваших адъюнктов! Кто составил этот бред?! Кто посмел?!

— Не бред, а заключение. Составлено мною лично. Прошу аккуратнее со словами. Здесь не полицейский участок.

— Смеее заявить, что не самый тяжелый случай отравления привел к такому фатальному результату? Так прикажете понимать? Как такое возможно?!

— Если бы господин эксперт потрудился прочесть от начала до конца, то, безусловно, обнаружил бы очевидную причину. Там все написано... — Доктор протянул документ.

Господин двинулся слишком решительно, чтобы истолковать это движение как вспыхнувший интерес, и оказался слишком близко для вежливого общения. Епифанцев не удостоил напор и легким сомнением, выказав поразительное хладнокровие.

— Требую, именно требую, чтобы мне предоставили тело для осмотра!

— Прошу простить, но это невозможно, — сказал доктор.

— Почему?

— Прошу извинить, не положено.

— Вот как? Это мне не положено?.. Мне?! Да вы... Да я вас... Да знаете, что...

— Да, знаю. Знаю, что обязан исполнять приказ Врачебно-санитарного комитета Министерства внутренних дел, в коллегии которого вы имеете честь состоять, от 13 марта нынешнего, 1895 года, где четко и строго прописаны меры по недопущению распространения опасных эпидемий. Вам не хуже, чем мне, известно, что полагается делать при возникновении столь серьезной угрозы.

То ли прохладность кафельных стен, то ли строгость приказа или стойкость доктора остудили взывавший характер. Важный господин ослабил напор и начал уговаривать совсем иначе, по-дружески, как коллегу, применил неподражаемую улыбку, пока наконец не опустил до интонаций скромного просителя.

— Дайте хоть взглянуть... — чуть не жалобно попросил он.

— Никак невозможно. Даже приближаться нельзя. Вы же сами понимаете, как ученый. Недопустимый риск. Прошу извинить, мне пора... — И гостю указали, куда ему следует отправиться.

* * *

Среди колонн, подпиравших свод парадного холла Александровской больницы, терялся худощавый юноша, закутанный в шинель гражданского кроя с поднятым во-

ротником, который упирался в фуражку, натянутую до ушей. На сквозняках огромной больницы молодой человек продрог до озноба. Заметив массивную фигуру в расстегнутом пальто, выплывшую из глубин больницы, припустил со всех ног.

— Ох, ну как там дела? — спросил он, отчаянно шмыгая носом. — Родиону Георгиевичу лучше? Как самочувствие? Видели его? А мне можно? Я быстренько сбегаяю... А то совсем окошел, оставили меня, так нечестно...

Опустив чемоданчик, господин раскурил сигарку, от дыма которой вздрогнули даже статуи, и тихо сказал:

— Кончено...

— Что «кончено»? — Молодой человек явно не уяснил, почему вместо добрых или хотя бы обнадеживающих вестей его пугают тревожными загадками. — Аполлон Григорьевич, лечение помогло? Когда его выписывают? Как у него дела? Настроение и вообще...

— Это трудно... Я бы хотел... Не знаю, как вам сказать.

— Да как есть, так и скажите...

— Наверно, это правильно. Лучше сразу. Так вот... — Господин осекся, словно собираясь с силами, и наконец сказал: — Ванзарова больше нет. Простите меня, Коля, что должен вам это сказать. Так все глупо вышло. И вас совсем не стоило бы... А пропади все пропадом. Вы уже не мальчик, чтобы сопли вытирать. Будьте сильным и мужественным. Пришла пора взрослеть, коллега. Родиона Георгиевича больше нет. Все. Простите.

Младший чиновник полиции Николая Гривцов считал себя образом мужества и в некотором роде рыцарства, что бывает в ранней юности со всеми. Но известие застало врасплох. Он старался, но никак не мог понять, в чем же

состоит шутка великого и ужасного Лебедева, в чем ее смысл. И когда она кончится.

Шутка упрямо торчала, разрастаясь и становясь той самой правдой, что нельзя ни обойти, ни спрятать, а только принять ее во всей бессмысленной простоте. Была она столь внезапной и чудовищной, что сознание Коли не могло и не желало принять ее, защищаясь непониманием, уговаривая, что это лишь наваждение, внезапный сон или помутнение чувств.

В дальнем углу охнула старуха, которой не нашлось угла в общей палате, вдалеке проскрежетала каталка, тишина вернулась к мраморным колоннам.

Аполлон Григорьевич не стал утешать, а только выпустил клубы дыма, ядреный дух которого Николая перестал различать. По щеке предательски скатилась слезинка. Из всех сил он старался быть мужественным. Но сил не хватало.

• ТОМ II •

Колокольчик звал.

...И окружающий мир замер, мягко вздрогнув, словно подернулся зыбью. В нем извивались, струясь и волнуясь, улицы, лица, дома, тротуары, как отражения в ртутном зеркале. Длилось это не дольше мгновения, яркого и глубокого. А когда вернулись прежние обличия, когда свет и тьма разделились, когда твердь под ногами окрепла, властный зов потянул за собой. Он шутил и ласкал, шептал и обманывал. Не было мочи послушаться. Хрустальным звоном манил и манил. А потом взмыл до пронзительного свиста.

...И на пике, на пронзительной ноте подступила тишина, глухой ватой окутывая и поглощая до последнего ноготка, до озноба, до кровинки. Целиком и навсегда.

...Жарко, очень жарко, нечем дышать. Это оттого, что опять печку натопили, забыли, что нельзя столько дров бросать, вот и раскалили докрасна. К ней, наверно, прикоснуться боязно, сразу ожжет. Да вон и дверца распахнулась, а из нее горящие угли так и сыпятся, так и сыпятся, уже весь пол залит, словно лавой. Хорошо, что не жгутся. Только жарко. Отчего же никого нет? И куда все подевались? Ведь так и дому сгореть недолго. Но что же никто жара не слышит? А дыма нет, вот и жара не замечают.

Как все-таки душно. Хоть бы окно открыли. О, да они нараспашку, вон и занавески отдернуты, а там ясное небо и птица пролетела, совсем лето настало. Зачем же так то-

пить? Хорошо бы прилечь у печи, но нет, идти надо, зовет кто-то. Ноги не слушаются, тонут, словно в вязкой глине, как на сельской дороге после дождя, сразу не совладаешь. Вроде торопишься, а так и не сойти с места. Надо, надо спешить, а то ведь не успеется.

Там, в дальней комнате, ждет. И окликнуть нельзя, чтобы помогли, потому что теперь уже поздно, все спать легли или не проснулись засветло. Только бы пятки отодрать от половиц, вот ведь, как клеем намазаны. И жар давит, так и прет, так и прет из всех щелей.

Вот уж другая комната. Темно, ничего не разглядеть. Почему же света не принесли? Свечей жалеют. И опять никого. Что же за обман такой? Печки здесь нет, а все жаром пышет. Почему же пусто, куда все подевались? Не может в доме так пусто быть.

Зовет, зовет. Она зовет. Как хорошо улыбается. Как славно, как сладко. Зовет к себе. Скорее, скорее. Ветер играет складками юбки. Широкие рукава платья шевелятся ласково. Надо выдраться из клея. Вот уже и руки протянула. Какая она красивая, какая нежная и чистая. Скорее к ней. Коснуться и прижаться, чтобы не отпускать никогда. Еще немного, и липкие цепи падут. Она ждет и зовет. Еще немного, еще надо постараться. Да что же так жарко! Лишь протянуть пальцы, коснуться ее плеча, ее волос, блузы. Еще усилие... Еще... К тебе... Совсем близко... Это я... Я иду к тебе...

...Сон отпускал. Сразу и до конца. Словно ничего и не было. Оставался страх и пот. Тяжелое дыхание и промокшая сорочка.

Но было что-то еще, что всегда доставлял этот сон. Или не сон, а наваждение, волшебный изворот сознания, недоступный докторишкам. Да какая разница, как называть. От него оставалась не только усталость пережитого, не только радость, что все прошло бесследно, и никто

не заметил, и не надо отвечать на тревожные вопросы и подозрительные взгляды, не надо благодарить и отказывать в помощи посторонним. Было нечто куда более важное, самое потаенное, что пряталось за муками, как зернышко золота в куче угля.

Оно легонько подмигивало, будто намекало на скромную тайну, уже известную, но все еще упорно отрицаемую. Оно щекотало до приятной веселости во всем теле, обещая просветление счастьем. И было это нечто такое, в чем и признаться нельзя, потому как — невозможное, необъяснимое, стыдное и бесконечно истовое. Настоящая тайна только для себя. Была эта тайна о самом нестерпимом удовольствии, какое способно испытать человеческое существо. Какое не описать, не объяснить, а только пережить в счастливом мучении.

И забыть нельзя, пригубив лишь раз. Как вино отменной выдержки. Да что там, крепче и слаще любого вина. Нет, нету в этом зыбком мире такого вина, чтобы сравнилось силой, чтобы ударяло в голову, пронзало душу. Сколько не пей, не напьешься допьяна. Только и остается, что ждать другого раза, когда настанет дикий и волшебный миг, ради которого, быть может, стоит теперь жить.

И он непременно вернется. Ведь это суждено. Тем, кто отмечен на страдание и счастье. Незнакомого всем иным.

Обещанного избранным.

Что ж...

* * *

Иван барахтался счастливой мухой в бочке меда. Так упоительно хорошо, так мучительно сладостно, что если бы настала сейчас вечность, то провел ее здесь без остатка. Чего еще желать, когда все наслаждения, о которых мечтал, случились, и длились не жалкие земные минуты,

а растягивались бесконечной резиной. Ни конца им ни краю. Если бы не проклятый гвоздь. Иван хотел было не замечать, но куда там. Влез и торчал гнилой занозой, свербя, расширяясь и разрастаясь, пока не пробил облака. Волшебный туман лопнул грязными брызгами. Иван очнулся.

В темноте, разрезанной пятном дверного проема, виднелись штабеля полотняных тюков, плетеных корзин, рулоны бумаги, бархатные занавески, горы ваз и вазочек, античных и бронзовых статуй, рухлядь и хозяйственный хлам, среди которого метлы с лопатой. Иван нашел себя свернувшимся калачиком, плечо уютно подпирало бок мешка. На этом уют закончился.

Приказчик Терлецкий молчал, но такой был у него неприятный и тяжелый взгляд, что любого подымет быстрее полковой трубы.

— Извольте отдыхать, месье Казаров? — спросил он.

Иван сделал вид, что еще не совсем разлепил веки.

— Известно ли вам, который теперь час?

Это было Ивану категорически неизвестно. Собственных часов у него теперь не осталось. В магазин пришел еще засветло, как полагается. И всего-то заглянул в кладовку. Расслабился в тепле, пристроился на минуточку, и вот, пожалуйста.

— Обязаны были доставить заказ в надлежащий час. Разве не знаете?

Знал Иван, еще как знал. С вечера сам управляющий предупредил, что клиент важный, а потому прихоть исполнить надо в точности. Сказано: свежайшими, только что срезанными, так чтобы утренняя роса не опала.

— Вам, Казаров, что было приказано? — продолжил Терлецкий удивительно приятным образом. — Вам было приказано ровно в восемь доставить заказ по известному адресу. Что же мы видим? А мы видим, что пробило поло-

вину десятого, а наш милый Казаров и глаз продрать не изволит!

Полная катастрофа! Проспать два часа! Если бы его мучитель знал, сколько сил Иван отдал ночью, сколько нервов потратил. Но разве объяснишь этому наглаженному субъекту всю глубину страданий, разве раскроешь душу. Ему бы только перед хозяином выслужиться да у клиентов чаевые зарабатывать. Жуткая личность.

— Извольте немедленно привести себя в надлежащий вид!

Поднявшись под взглядом палача, Иван отряхнул брюки и сюртук. Строгий жест указал на сбившийся галстук и прилипшие к нему соринки. Придрался к пыли на ботинках и складках сорочки.

Оглядев результат, Терлецкий выразил глубокое неудовольствие:

— Порочите честное имя нашей фирмы. Даже посыльный должен выглядеть так, чтобы все знали, где он служит. Надеюсь, запомните.

Нерадивый посыльный давно вызубрил строгие правила. Но если бы все исполняли законы да правила, что бы за жизнь началась? Одни мучения. Честное слово...

— Если подобное повторится, будете уволены. Чтобы через четверть часа заказ был доставлен. Лично проверю.

Пробурчав извинения, Иван отправился в «холодную», где среди брусков льда хранился нежный товар. Посылка возвышалась шуршащим облаком над массивной вазой. Складки упаковочной бумаги строили рожицы и нагло дразнились. Подхватив массивную ношу, скрывающую Ивана до макушки, он выбрался на Большую Морскую улицу. Путь неблизкий. Но извозчика не предложили. Спасибо, хоть Терлецкий дверь придержал. Оставалось нестись на своих двоих.

Пятый день февраля 1896 года выдался на удивление теплым и слякотным, впрочем, как и вся предыдущая не-

деля. В этом году весна явно спешила в столицу до Великого поста. Улицы превратились в снежное болото, лениво разметаемое дворниками. На главном проспекте столицы было почище. Пока Иван добрался до Невского, насквозь промочил лаковые ботинки, которые носил зимой ради фирменного шика.

Посылка притягивала внимание. Дамы провожали ее завистливыми взглядами, гадая, кто же эта счастливица, получающая по утрам такие подарки. Быть может, актриса или юная принцесса. Мужчины напротив, хмурились и недовольно качали котелками, прикидывая, во сколько обходится подобное баловство и кто может вот так запросто себе это позволить. Этот интерес Казарову был совершенно безразличен. Не замечая славы, он старался не споткнуться и не свалиться в грязь. За посылкой ничего не было видно, приходилось ступать почти наугад.

Запыхавшись так, что пар валит изо рта, Иван добрался до угла Литейного проспекта и Бассейной улицы. Значительный дом всем видом подчеркивал солидность. В меблированных комнатах «Дворянское гнездо» селилась чистая публика, с большим достатком и прочным положением. Тут проживали те, кто не успел обзавестись собственным особнячком или просторной квартиркой, но жить в доходном доме считал ниже своего достоинства. К постояльцам относились со всем возможным почтением, какое не встретишь и в отеле, стараясь не докучать и предоставляя свободу жить как хочется.

Кивнув швейцару, торчавшему на углу, Иван вошел в отдельное парадное с Бассейной улицы, поднялся на второй этаж, кое-как переложил груз из руки в руку и дотянулся до электрического звонка. В дом было подведено электричество. Колокольчик позвал хозяев. Но посылке никому не открыл.

Выждав приличное время, Казаров крутанул ручку двери.

Ответа не дождался. Зато дверь была не заперта. Потянуло жилым духом. В другой фирме, не столь знаменитой, посыльный оставил бы ношу у швейцара и счел свою миссию выполненной. Подумать о таком святотатстве Иван не рискнул. Наверняка погонят взашей. Оставалось одно средство. Нарушив строжайшие правила этикета, он самолично приоткрыл дверь, влез в щель и наглым образом крикнул:

— Доброе утро, презент доставлен! Позвольте войти?

Быть может, Иван и не решился бы на такое разнузданное поведение. Но сегодня деваться было некуда, и так проштрафился. Да и вообще: за что ругать человека, который доставил такой подарок? Должны встретить и принять.

В маленькой прихожей горел свет. На вешалке — уличная одежда и головные уборы, на положенном месте стояла обувь, зонтики теснились кучкой. Из кухни тянуло подгоревшим кофе и пережженным молоком. Белые створки прикрывали вход в гостиную. (Иван прикинул, что за ними гостиная.)

— Прошу простить! — нарочито громко выкрикнул он.

Молчание. Заснули, что ли? По всем признакам, хозяева дома. Торчат посреди порога с ношей неудобно. Но и без спроса войти непозволительно. Это уж совсем из ряда вон.

Возвращаться в магазин с грузом? Лучше сразу искать новое место. Сунуть швейцару? Незнакомы, так, здоровались, и только. Что же делать?

Казаров окончательно нашел положение свое безвыходным. И потому решился. Перешагнув порог, он кашлянул зычно, сообщив, что прибыла посылка. Дом выслушал. Но обитатели не явились.

Собрав остатки решимости в один кулак, другим Иван вежливо постучался. Из гостиной не откликнулись. Наверняка заснули.

Ничего не осталось, как идти до конца. Раз зашел так далеко. Казаров мужественно открыл дверь, пропуская вперед роскошную ношу. Чтоб было ясно, кто врывается таким бесцеремонным образом. В гостиной было тепло и душно. Пахло необычной смесью дорогих духов и чем-то еще, что Иван не мог узнать, немного приторно сладковатым. Стоя под защитой бумаги, он ждал: вот сейчас его окликнут, удивятся и захлопают в ладоши.

Маятник отмерял тишину.

Пребывать в глупейшем положении бесконечно Иван не мог. Надо сложить посылку на самом видном месте и поскорее удалиться. Пусть Терлецкий сам разбирается с капризами заказчика. Только бы найти место, где оставить чужое добро.

И Казаров опустил ношу верхом вниз, что делать категорически запрещалось.

Гостиная открылась во всей красе.

Иван моргнул, надеясь, что спит в кладовке, и это ему только кажется. Потом моргнул еще раз. И еще... Наваждение не исчезало. Руки стали ватными, пальцы ослабели, драгоценная посылка выскользнула, упав на ковер.

Казаров не хотел смотреть. Но не мог оторваться. Словно погружаясь в гипнотический сон.

И сны проходят... Что-то подхватило его и швырнуло в реальный мир. Иван вздрогнул. Он слепо попятился, ткнулся спиной в косяк, отпрянул в панике, вывалился спиной в прихожую, заметался, как в западне, налетел на входную дверь, распахнув ее, оказался на светлой лестнице, и только тут из него вырвался протяжный и жалобный стон, как из лопнувшего шарика. Споткнувшись, он чудом не скатился по лестнице, рискуя сломать шею. Обняв ступеньку, Казаров завыл по-бабьи.

На этажах распахивались двери. Вылезали соседи, подталкиваемые любопытством. Швейцар, забросив па-

радный вход, прибежал разузнать о безобразии. Из непорядка он обнаружил недавнего гостя ползущим по лестнице ящеркой и будто бы не в себе.

Посыльный оглох, ослеп и орал отчаянно.

ИЗ ДНЕВНИКА ЮЛИЧКИ ПРОКОФЬЕВОЙ

Писано февраля 5-го числа, ближе к полудню.

Снился дурной сон. Ничего не поняла. Только помню: так неприятно стало, будто ножом по тарелке. Наверное, все после его разговоров. *Он* стал таким несносным. Все сидит задумчивый. И порой так посмотрит, что мурашки по коже. Я напонила обещание свозить меня в Ниццу весной. *Он* сказал, что это еще не скоро и надо все обдумать. Меня так угнетает его дурное настроение! Мне хочется петь, веселиться, а мы даже не можем выйти вместе. Ну что это такое. И теперь еще его дурное настроение. Это ни на что не похоже. Сделала ему выговор. *Он* посмотрел и сказал, что надо быть менее легкомысленной. Это я легкомысленная? О, как мужчины бывают порой глупы. Я обожаю его, не могу дождаться, а *Он* говорит мне о легкомыслии! Что за странность! Нет, все-таки я его растормошила, и *Он* заулыбался. Стал таким, как прежде. И что с ним происходит? Ничего не говорит, как это противно. Заказала ему новое платье. *Он* обещал исполнить. Такой славный, что просто сил нет! Хочется обнимать и тискать. Пойду в Пассаж. Там обещали новую коллекцию в шляпном салоне мадам Десанж. Не забыть записаться на завивку к Ж.

* * *

В прихожей было тесно. А всего-то три господина в штатском и один в мундире штабс-капитана. На нем задержимся чуть дольше. Роскошные бакенбарды его пере-

ходили в не менее роскошные усы, отчего видом напоминал он подстриженного фокстерьера. Кроткий взгляд и общая округлость форм говорили скорее о мягкости характера, если не добродушии. И откуда взяться таким качествам в участковом приставе?

Действительно, хозяин 1-го Литейного участка был натурой ласковой, насколько позволяет полицейская служба. Подчиненные не столько его боялись, сколько уважали, за глаза называя Бубликом, что неплохо ладило с фамилией Ощевский-Круглик, какая досталась ему от родителя. Роберт Онуфриевич смотрел на мелкие недочеты снисходительно, сильно не гонял и всегда старался быть мудрым или, на худой конец, справедливым начальником. Среди своих он держался непринужденно, смеяся на шутки, но не переходя опасную грань панибратства.

Нынче у господ полицейских было прекрасное настроение. Обменивались остротами, сплетничали, при этом не делая малейшей попытки заняться прямыми обязанностями, хоть протокол составить. Дисциплинированный Бублик взирал на безделье с отеческим умилением.

Как вдруг городской, топтавшийся на лестничной клетке, принял стойку «смирно» и отдал честь. На пороге возник господин, заслонивший свет. Разговоры, как по команде, стихли, чиновники присмирели и взирали на него с некоторой опаской. Пристав широко улыбнулся, гостеприимно распахнул объятия, насколько хватило места, и провозгласил:

— Ну наконец-то. Какая радость! А мы вас только и ждем, дорогой вы мой!

Настрой гостя не сулил теплой встречи. Был он чем-то раздражен или раздосадован и, кажется, искал, на ком бы сорвать свое раздражение. При величественной фигуре и мощном сложении это могло кончиться довольно скверно.

Дружелюбие пристава одолело. Грозный господин поставил у двери чемоданчик желтой кожи, извлек коробку монпансье «Ландринъ» и швырнул в пасть пригоршню конфеток.

— Не вижу повода для радостей. День омерзительный, — сказал он сквозь такой хруст леденцов, будто крошил хворост.

Чиновникам была неведома причина огорчений. А дело в том, что лучший криминалист, краса и гордость Департамента полиции, непререкаемый авторитет в научных методах сыска и просто яркая до ослепления личность, коллежский советник Лебедев принужден был заниматься низким делом участкового эксперта. В обычные дни, если Лебедев выезжал на преступление — оно того заслуживало. А так, по всякой мелочи беспокоить светило не рискнул бы ни один пристав столицы. Хитрый Бублик прознал, что знаменитости выпал жребий дежурить по департаменту. Чем и воспользовался.

— А мы тут ничего не трогали, ни к чему не прикасались и даже старались не дышать лишний раз, — сказал он с видом невинного младенца. — Не натоптали и пылинки не тронули. Все, как вы любите... и требуете.

Лебедев оценил такое старание и закинул в рот еще леденцов:

— Всегда знал, что вы, Роберт Онуфриевич, толковый полицейский, да.

Бублик скромно потупился, а чиновники преисполнились важности комплимента. Редкого полицейского светило награждало так ласково, а все больше: «бездельник», «тупица» и «проходимец».

— Давайте скорее, нечего мое время гробить, еще в департамент ехать, — сказал Аполлон Григорьевич, исчерпав на сегодня запас добродушия.

— Дело совсем пустяковое, — заторопился Бублик. — Кристально ясно, только вас ждали, чтобы, значить, официально занести в протокол.

— Что же вам так ясно? — строго спросили с пристава.

— Юная особа изволила на себя руки наложить.

— Приятная неожиданность. Почему решили, что самоубийство?

— Извольте сами взглянуть... — Бублик сделал краткое движение подбородком, как муху отгонял. Чиновники вжались в стены, освобождая проход. Но криминалист указал на бумажный куль, из которого торчали кончики побегов:

— Это откуда взялось?

— Посыльный обронил, он и тело обнаружил. Букет лежал на проходе в гостиную, так мы сюда переложили, чтоб вам не мешать.

Лебедев не стал придирааться к нарушению расположения улик. Чего зря хорошего человека расстраивать, дело-то пустяковое. Ну переложили. Какая разница, где букет валяется. Самоубийство ведь.

Пристав подмигнул, и перед криминалистом распахнулась гостиная во всей красе. Обстановка уютного женского дома с мягкой мебелью в цветочек, статуями, вазами, ковриками и картинками по стенам интересовала мало. Взгляд неудержимо притягивало иное.

С правой стороны два окна, прикрытые шторами. По другую — дверь в глубины квартиры. Напротив прихожей — стена, увешанная портретами смутно знакомых личностей. Ряд картин прерывался парочкой бронзовых бра, между которыми оставалось достаточно места для картины. Именно той, что аккуратно поставили на пол. Портрет юнца в локонах и старинном сюртуке. Вместо него висело совсем не то, что полагается вешать на стены.

Стройная барышня в модном платье свесила холеные ручки. Из-под юбки выглядывали голые ножки, побелевшие и жалкие. Росту самого среднего, даже чуть ниже, но фигурка приятная, с чувством, и сама, наверно, симпатичная. Лицо скрывали волосы, свисавшие плотным занавесом. Шею неестественно перетягивал плетеный шнур. Другой конец его держался на картинном крюке. В гостиной горела люстра, бра пылали матовыми факелами. Висящая девушка казалась удивительно хороша и на своем месте. Как часть убранства комнаты.

— Такая красота, снимать жаль, — сказал Бублик, пытаясь заглянуть в лицо Лебедеву: прочувствовал великий криминалист пронзительную красоту момента? Страшную, но все же красоту.

Аполлон Григорьевич не был склонен баловать чувство прекрасного вообще, а в этой ситуации тем более. Рассматривая жертву, он перестал жевать:

— Поясните, с чего взяли, что это самоубийство.

На всякий случай Бублик оглянулся на чиновников за поддержкой. Те поддержали.

— Но ведь все же само собой очевидно...

— Очевидное не всегда вероятное. Покажите записку.

Пристав искренно удивился:

— Какую записку?

— Ту, что барышня написала, прежде чем руки наложить. С чего вдруг в петлю полезла. Кто виноват. Кого она ни в чем не винит. И тому подобное.

— Эх, Аполлон Григорьевич, не хуже меня знаете, что предсмертные записки только в романах пишут. А в жизни... — Бублик печально вздохнул. — Не спала всю ночь, случился нервный надрыв, схватила веревку, что под руку попала, и конец. Жалко дурёху, молодая еще, глупая. Одни *любови* на уме. Какие там записки.

— Выходит, в гостиной осмотр провели.

Пристав несколько смутился:

— Сами понимаете... Обязаны были... Правила требуют... Вдруг еще жива...

— Пустяки. Обождите там... — Лебедев взмахнул чемоданчиком, словно поставил жирную точку. Бублик не стал испытывать судьбу. Отступил и дверь притворил. Только щелку оставил, чтобы наслаждаться работой истинного профессионала.

За могучей спиной подробности не увидеть. Роберт Онуфриевич как ни старался, так и не смог понять, что же ищет великий человек. Лебедев внимательно осмотрел пол под жертвой, что-то делал с ее руками, изучил стену за ее спиной и лишь тогда раздвинул волосы. Издалека приставу были неясны черты, вроде личико довольно смазливое. Приподнявшись на носках, криминалист осмотрел шнур, на котором повисла несчастная, зачем-то пошел к окну и там что-то вынюхивал. Вернувшись к чемоданчику, достал термометр и замерил температуру тела. После чего не уgomонился, побродил по комнате, внимательно глядя на пол, заглянул под тахту и особо тщательно осмотрел поднос с чайником, чашкой и крохотными канапе. Закончив церемонию, он через дверную щель поманил пристава.

Пристав не мелочился, изображая невинность, а честно выскочил из укрытия. Он предвкушал, как оформит самоубийство без лишней канители.

— Ну как, Аполлон Григорьевич, убедились?

— Почти наверняка.

— Вот видите... Вот и славно... Ну, мы тогда быстренько... С вас только подпись...

— Ее повесили мертвой.

Бублику показалось, что ослышался. Он переспросил.

— Судя по температуре тела, она умерла примерно три-четыре часа назад, — отчеканил Лебедев. — После чего ее

повесили на крюке от картины. Шнур был срезан вот с того ламбрекена. Видите, левая штора висит прямо. Чем было совершено убийство, сказать не могу, нужен осмотр. Нож и огнестрельное оружие можете исключить.

— Как убийство... — пробормотал пристав, в глазах которого в пух и прах разлеталось такое милое дело, а не то чтобы ножи с револьверами исключать. Выходило, что на участок вешалось тяжкое преступление. Так ведь его раскрывать потребуется!

— Но, может быть... — все-таки попытался спастись Бублик.

— Нет, Роберт Онуфриевич, не может, — припечатали его. — Человеческое тело очень живуче. Спротивляется гибели как может. Если бы барышня полезла в петлю сама, на полу остались бы произвольные следы ужина. С этим ничего не поделать. Спасаясь от удушья, она царапала бы стену и ломала ногти. На обоях никаких следов, ногти целы. На шее и лице нет характерных для асфиксии признаков. Далее...

— Но позвольте хоть...

— Чтобы забраться на такую высоту, нужен стул или табурет. Если бы сама повесилась, мебель валялась бы под ногами. Но ее нет. Далее... Шнур аккуратно срезан. Где ножницы или нож? Или в последние мгновения жизни она наводила порядок? Нет, острые предметы валялись бы тут, на ковре. Но их нет.

— Это ужасно, — сказал Бублик, думая о своем.

— Это естественно, — поправили его. — Куда делся главный свидетель?

— Убежал, пока мы добрались. Швейцар говорит, такой крик поднял, весь дом переполошил. Да что с него взять, обычный посыльный.

— В котором часу приходил?

— Значит, так... Швейцар заявился в половине, туда сюда, выходит, около десяти. А что такое?

— Ерунда... — сказал Лебедев и вдруг нахмурился. — Пойдите, вы говорили, что букет валялся в гостиной?

— Лично подбирал.

— Это меняет дело.

— Вот и чудесно! Значит, оформляем самоубийство...

— Значит, посылному кто-то открыл или...

— Не мучьте, в конце концов!

— С кем барышня квартиру снимала?

— По домово́й книге одна жила. Ну?!

— Тогда все ясно.

— Аполлон Григорьевич, пожалейте...

— Не пожалею, а помогу: дверь уже была открыта. Посылный вошел сам. Цветы надо было вручить. А почему дверь была открыта...

— Почему? — механически повторил Бублик.

— Потому что открытой ее оставил убийца. Самоубийце не до того было бы.

— А может, барышня подумала: умрет, а дверь закрыта, ломать придется... Нехорошо.

— Не заставляйте переменить о вас мнение. Вы же умный человек.

Приставу лесть была приятна. Но что делать с проклятым убийством? Как с ним справиться? Такая неприятность, честное слово. И ведь так хорошо начиналось...

— Аполлон Григорьевич, а если мы тихонько...

— Коллега, не будите во мне... — Лебедев не решил, какое именно чудовище не надо будить в нем, и закурил леденцами.

Все, конец. Бублик сдался. Ничего не поделаеть, составь протокол и заводи дело.

— Что же здесь случилось? — с нескрываемой печалью спросил он.

— Умное и тонкое шулерство, — ответил Лебедев, подхватив чемоданчик. — Тело доставляйте в участок, вскоре к вам загляну. Веселее, пристав. Вдруг вам попало интересное преступление...

Такая перспектива не радовала. Бублик был всего лишь обычный полицейский. Зачем ему интересные дела? Только обуза, честное слово...

* * *

Трактирщик Макарьев дело открыл недавно. На Моховой трактиров немного, прибыль будет. Надо клиента привлечь. А потому фужеры протирал тщательно, чтобы слепили фальшивым блеском. Не пробило одиннадцати, когда дверь чуть не слетела с петель, впуская раннего клиента. Срывающимся голосом он потребовал графин кваса и плюхнулся за ближайший столик. С виду ухоженный, если не сказать франтоватый, одет чисто, явно не с похмелья. Только лицо покраснелось, как от мороза, и в глазах нечто придурковатое. Отчего не обслужить, каждый гость на вес золота. Макарьев крикнул половому.

Перед юношей появился запотевший штоф и граненый бокал. Он налил до края и жадно выпил не отрываясь. Опрокинул второй, а за ним и третий. И тут же потребовал еще. Макарьев не возражал, наверняка при деньгах.

Станный посетитель разделался с новым штофом так же стремительно и приказал подать новый. Трактирщик имел на людей опытный глаз, иначе нельзя. Но вот этого молодчика раскусить не мог: что случилось и отчего такая жажда человека мучает. Таинственная загадка, одним словом. Не найдя подходящего объяснения, Макарьев стал подглядывать.

Иван отодвинул бокал. Больше пить он не мог. Но мука не отпускала. Беспочинная жажда накинута, когда

выскочил из того дома. Принялась терзать, и погасить ее не было сил. Он вливал в себя, как в бездонный горшок, но напиться не получалось. И только сейчас чуть полегчало. В горле булькало, живот распирало, но Казаров обрел себя в общих чертах. Главное было не вспоминать о том, что осталось там, позади. Иван попробовал думать о чем-то приятном и легком. Но обнаружил, что на ум приходит только пробуждение в каморке.

А что было до этого? Где провел ночь? Он попытался разыскать хоть какие-то ниточки, что связывали с недавним прошлым, но вместо них зияла пустота. Тогда он лихорадочно стал копаться в памяти. Обнаружились жалкие остатки. Какие-то случайные моменты, отдельные, разрозненные, будто не с ним происходившие события. Чем дальше пробирался он в воспоминания, тем четче они становились. Стоило вернуться на день или два назад, да хоть на неделю, как в голове все путалось и погружалось в мутный туман. Казаров просто не мог вспомнить, что делал последние дни. Его проклятье — провалы в памяти, которое победил силой воли и такими жертвами, — вернулось. Снова будет терзать и мучить. Да что же это...

Он стал обшаривать одежду, чтобы найти какие-то следы. В кармане пальто что-то тяжелое. Оказалось — перочинный ножик с прочным острым лезвием, которое пряталось в кожаный чехольчик. Ножик был крупнее, чем надо для зачистки перьев и карандашей. Откуда и зачем взялся, Иван совершенно не мог вспомнить.

Находку отодвинул подальше, на другой край стола. Что же еще при нем? Нашлись оплаченные счета, какие-то кривые записки, разобрать которые было невозможно, немного мелочи и бумажных денег. И еще много одинаковых скомканных бумажек желтого цвета. Казаров развернул одну. Дешевый билет в увеселительное заведение от конца января. И другой такой же, и все прочие.

Что ему делать в театре? Он не мог вспомнить.

Липкий страх, что в этот раз потерял, бесследно забыл свою жизнь, подступил к горлу. Опять жажда раздрает. Надо немедленно напиться.

Графин бился горлышком о бокал. Иван долил кое-как и опрокинул в рот. Жидкость провалилась, встала в горле и ринулась обратно. Спазм свернул узлом. Все, что организм принял, бурным потоком обрушил на струганные доски.

Макарьев так и застыл с полотенцем.

Ивану полегчало. Он резко и отчетливо вспомнил, почему и зачем ходил в театр. А дальше? Что было этой ночью? Было очень важно вспомнить, где и как провел ночные часы, пока не уснул в кладовке. Ведь что-то там было такое, чем-то был занят, раз так устал. И для чего у него появился нож? Это не его, никогда у себя такого не видел.

Ничего не вспомнить. Какое это счастье — иметь воспоминания. Порой они важнее снов. Без них не бываешь целым.

Да и жил ли вообще? А был ли мальчик Иван? Он не знал. Не помнил. Гаже всего вместо родных воспоминаний перед глазами вставала она — висящая в ярком свете. И не хотела уходить.

Зачем ему досталась эта пытка? Что он ей сделал плохого? И не знал ее вообще. Так, видел только. Пусть отстанет, пусть сгинет с глаз. Кыш, кыш, уходи! Надо выжить эту мерзость. Надо выяснить, где же был до рассвета. Немедленно, прямо сейчас. Надо бежать.

Швырнув смятые ассигнации на стол, Иван выскочил из трактира.

Крикнуть вслед: «Стой, гаденыш!» Макарьев не успел. Оставалось горестно признать: не все тайны человеческого характера изучил. Вот, например, этот пакостник в приличном костюме так и остался для трактирщика неприятной загадкой.

Прямо сказать — грязной загадочкой.

* * *

Упитанный чиновник трусил робким кузнечиком. Сжимая бланки с грифом Департамента полиции, он бубнил томно и плаксиво:

— Да как же так... Разве ж это допустимо... Мне же потом достанется... Начальство знает, зачем дежурства назначать... Вот извольте, депеша из Первого Выборгского, просят прислать... Да и Второй Казанский вас требует... Что же мне делать, когда вас только желают... Как сговорились сегодня... Ну господин Лебедев, ваше превосходительство... Так ведь нельзя... Вам ничего, а мне попадет... Вы же теперь дежурным назначены... Ну возьмите заявочку, что вам стоит... Да вот хоть в Третий Литейный загляните, здесь же рядом... Мы же канцелярия, обязаны принимать... Ну хоть одну... Ох, что будет?..

Под музыку жалобных стонов господин хладнокровно одолел мраморную лестницу, прошел длинный коридор, полный одинаковых дверей с медными табличками, свернул за угол, взбежал по узкой лестнице, крутыми витками взмывающей на третий этаж, и притормозил перед створками, на которых виднелась потертая табличка «Лебедев А.Г.». Как у всех великих — без мелких подробностей.

Дежурный изрядно запыхался, но продолжал жаловаться и ныть. Потеряв всякую надежду добиться своего, отступить уже не мог. Подгоняли ужасы мелкого чиновника — выговор и лишение премиальных. Потому готов был просить и канючить хоть до обеда. На плечо ему легла тяжкая десница. Чиновник, и так нетвердый в ногах, маленько присел.

— Друг ли ты мне, Ануфрий? — спросили у него. — Друг ли до последнего вздоха?

Чиновник с удовольствием заковал бы такого друга в кандалы, но вынужден был согласно кивнуть.

— Раз друг, уясни: ты спишь, и я тебе только снюсь. На самом деле меня нет. Я видение, сон, миф. Вот уже растворяюсь дымкой в твоих фантазиях. И знаешь, лучше спится без синяков и тяжких увечий. Чего доброго, с лестницы свалишься. Подумай об этом, Ануфрий. Согласен? Вот и молодец. Крепче спишь на службе — быстрее получишь повышение... Какая досада, что я не вернулся с вызова.

Слава Аполлона Григорьевича с некоторых пор работала на него. Он так долго создавал вокруг своей фигуры ареол кровожадного варвара, что в это поверили. Рассказывали истории, как однажды Лебедев выкинул в Мойку городского, что смел ему перечить. Другие клялись, что лично видели, как он отхлестал по щекам пристава. А кое-кто уверял, что в своей лаборатории он растворил в серной кислоте коллежского секретаря, который посмел ему возражать. Никто не рискнул проверить, сколько правды в этих ужасах. Даже высокое начальство, не склонное к суевериям, лишний раз старалось не беспокоить великого. Что было исключительно удобно. Кроме неумного поглощения радостей жизни, остальные двадцать три часа в сутки Лебедев посвящал науке и криминалистике. Для чего приспособил кабинет.

Мало кому повезло побывать здесь. А кто побывал, возвращались с невероятными историями про пещеру ужасов. Говорили, что тут собрано столько всего, что, если вынуть из шкафов, ящиков и куч, сваленных на полу, гора вырастет выше Департамента полиции. А запах какой стоит!

Доля правды в этом была. Лебедев страдал манией или профессиональным недугом: он не выбрасывал ничего, что попало ему при расследованиях. Сама собой копилась наглядная история преступлений за последние двадцать лет. Но кроме научного музея человеческих зверств, тут располагалась лаборатория, в которой со всем удобст-

вом можно было исследовать все, что пожелаешь: хоть следы пролитого вина, хоть отрезанную голову. Причем всеми доступными и даже недоступными приборами и методиками. Что и говорить, настоящий рай для любого мальчишки от семи до семидесяти лет.

Небрежно скинув пальто на кипу химических журналов, прижатых чьим-то черепом и чучелом крысы, Аполлон Григорьевич извлек из чемоданчика пробирки, плотно закупоренные пробками. Внутри темнели разноцветные жидкости, как на подбор неаппетитного вида. Рассматривая их на свет, Лебедев плотоядно облизнулся, что означало высшую степень интереса.

Предстояло решить мелкую задачку: какой опыт провести первым. Практика указывала, что вначале требуется установить самые простые, то есть распространенные, яды. Чаще всего их находят в крови и выделениях жертв. Время и усилия лучше всего потратить на них. Но этот случай вносил маленькую поправку: на теле барышни и вокруг не нашлось ничего, что указывало на мышьяк, цианид калия или сенильную кислоту. Наверняка применялось что-то другое. На это намекал своеобразный аромат, исходивший от одной из пробирок.

Нюхнув, Лебедев посопел, сравнил с ароматом из другой пробирки и, кажется, остался доволен. Вывод напрашивался простой и необычный. Но согласиться вот так, с ходу, было неправильно.

Кроме непомерного собрания рухляди, Лебедев владел богатством не менее ценным, а именно опытом и интуицией. Что часто определяло исход дела. Вот и сейчас он покопался в накопленных знаниях, спросил самого себя, на чем бы остановиться, и наконец сделал ставку. Порой, в интересных случаях, Аполлон Григорьевич спорил сам с собой. Что было удобно: он всегда оставался в выигрыше. В этот раз спор шел на... Но это уж слишком личное. Вернемся к науке.

Из необъятных запасов он вытащил бутылку фосфорной кислоты, склянку чистого алкоголя, смешал с веществом из пробирки, развел паровую баню — и занялся любимым делом средневековых алхимиков — перегонкой. Усевшись напротив стеклянного змеевика, Лебедев принялся жевать леденцы, убивая время.

Ожидание было вознаграждено. Вскоре на стеклянных трубках начали проступать тяжелые, бесцветные маслянистые капли. Дальнейших опытов не требовалось. Все было кристально ясно. Хотя невероятно.

Казалось бы, пари проиграно и победитель должен предаться веселью. Но проявлений радости, доступных простому смертному, не последовало. Он швырнул опустевшую коробку монпансье, могучим ударом каблука растоптав ее и превратив в лепешку, и глубоко задумался. Что продолжалось считанные секунды. Могучие натуры не способны долго пребывать в покое.

Сорвавшись с места, Лебедев отодвинул занавеску, пробитую жжеными дырками, как мишень в тире. За бесполезным куском тряпки обнаружился крайне полезный ящик. Стоит заметить, что личные телефонные аппараты в столице появились у избранных. А для общего доступа — один на весь участок.

Покрутив ручку и гаркнув в черный амбушюр четыре цифры, отчего барышня на коммутаторе сползла в легком обмороке, Лебедев притоптывал в нетерпении, пока на том конце не ответили. Он кратко поздоровался и потребовал аудиенции. Прямо сейчас.

* * *

В полицейской службе полковник Вендорф больше всего ценил обеды. Первую половину служебного дня он прикидывал, что и где будет вкушать. А вторую с грустью вспоминал минувшие закуски и горячее. Лишь надежда,

что завтра будет новый день и новый обед, примиряла его с суровой реальностью.

Нельзя сказать, что Оскар Игнатьевич был особый гастроном или тонкий ценитель кулинарии. Ему было так хорошо и спокойно за столом, накрытым чистой скатертью, на которой поблескивали черенки серебряных вилок, а бокалы подмигивали хрусталем, что прочее казалось серым и скучным.

Обладая властью над одной четвертью всех полицейских участков столицы, полицеймейстер 1-го отделения пользовался этой властью затем, чтобы его как можно меньше беспокоили подчиненные, а наоборот, доставляли поводы для победных рапортов у губернатора и министерского начальства. Внешне приятный характер его не переставал поражать чудесами: предоставляя делам в участках течь, как им вздумается, Вендорф умудрялся быть у начальства на отличном счету. Более того, имел репутацию деятельного служаки. Не зря все-таки угощал обедами нужных людей.

Вот и сейчас пребывал он в сладкой неге, поглядывая на минутную стрелку. Оставалось совсем немного до счастливого мгновения, когда можно покинуть кабинет, оставив адъютанту поручение его не искать. Однако насладиться счастливым мигом обеденного часа было не суждено. В кабинет решительно ворвался господин с желтым чемоданчиком. Дверь за ним адъютант затворил с явным облегчением.

Оскар Игнатьевич изобразил все радушие, на какое был способен на пустой желудок:

— Вот и чудесно! Как раз вовремя. Отобедаете со мной?

Надо сказать, что полицеймейстер предпочитал не просто обеды, а обеды в приятной компании. Что может быть приятнее компании великого криминалиста?

— В другой раз, — ответил Лебедев, не заботясь о дипломатии.

Вендорф искренно огорчился, но печаль смела минутная стрелка. Совсем скоро перерыв.

— Отложим часика на два или на завтра? — спросил полковник.

— Никак невозможно. Дело срочное.

— Вот как? И что же такое... А! Знаю-знаю! — обрадовался Вендорф. — От вас наверняка потребовали нести дежурство по городу. Я прав?

— Вернулся с места происшествия, — сказал Лебедев.

— Неужели согласились дежурить? — неприлично удивился полицеймейстер. — Что ж, похвально. А я думал, вы того... Ни за что... Кто ж вас посмеет запрячь... Какой вы молодец. Надо вам похвалу в приказе объявить.

— Могу изложить факты?

— Конечно, голубчик. Только учтите, у меня вот-вот... — Гостю указали на часы, на которых до обеда оставались считанные деления.

— Ничего, я успею.

Вендорф вздохнул и принял расслабленную позу, всем видом показывая, что будет слушать только потому, что деваться ему некуда.

— В меблированных комнатах «Дворянское гнездо» обнаружено тело барышни, примерно двадцати двух — двадцати трех лет, — сказал Лебедев. — Повесилась на картинном крюке.

— Самоубийство? И что в этом такого? Этим созданиям только дай волю, они все перевешаются от несчастной любви. Что вы хотите: женщины и нервы ведут непримиримую борьбу друг с другом — кто кого раньше съест. На этом все?

— Нет, не все. В доме не обнаружено следов взлома или насильственного проникновения. На теле нет огнестрельных или ножевых ранений, а также следов борьбы.

— Откуда им взяться, если она сама на себя руки наложила?

— Ее повесили мертвой.

— Как? — скорее не понял, чем захотел узнать подробности Вендорф. Осталось-то всего одно деление на циферблате.

— Предварительно отравив.

— Мышьяк?

— Хлороформ, — сказал Лебедев.

С первыми мгновениями перерыва, улетевшими навсегда, Вендорф потерял изрядную часть дружелюбия.

— Разве хлороформом можно убить? — спросил он. — Это же что-то вроде эфира, применяется хирургами для наркоза. Легкий дурман, глубокий сон и пробуждение.

— Убить можно йодом. И хлороформом — проще некуда. Стоит превысить дозу. Кроме врачей, об этом мало кто знает. В теле же, которое осмотрел и взял пробы, доза превышена многократно. Бедняжка нашпигована хлороформом, как гусь яблоками.

Случайный намек окончательно вывел полковника из равновесия.

— Позвольте, — резко сказал он. — С чего вам далось это тело? В чем ведении расследование?

— Первый Литейный, но...

— Вот пусть Буб... то есть Ощевский-Круглик и разбирается. Ваш совет он, безусловно, выслушает и примет с благодарностью. Но я-то тут при чем?

— Пристав не горит желанием заниматься этим делом.

— Отчего же?

— Упрямо считает самоубийством.

Вендорф заинтересовался:

— Вот видите! А вы спешите. Может, старик прав. Может, ваш анализ ошибочен? Может, так и есть? Чего проще: барышня наглоталась хлороформа и в петлю полезла. Всякое бывает.

— Это совершенно невозможно... — сказал Лебедев и безжалостно вывалил кучу неприятных фактов: и крюк висит высоко, и при наркозе она шагу бы не ступила, и, главное, нет никаких следов удушения. — Бедняжку красиво повесили вместо картины, — закончил он.

— И что желаете от меня?

— Необходимо, чтобы расследованием занялся самый толковый чиновник полиции. Сам таких не знаю. Но на ваше усмотрение. Это крайне необходимо. Со своей стороны окажу ему всяческое содействие.

— Прямо не узнаю вас, голубчик, — сказал Вендорф. — С чего такая инициатива?

— Преступление задумано умно, а совершено отменно. Такого чистого исполнения давненько не встречал. Скажу больше: если бы случайно не приехал и не увидел сам, пристав списал бы на самоубийство. И концы в воду. Подобное мастерство меня сильно тревожит.

— Чем же?

— Убийца поддастся соблазну провернуть такой фокус еще разок. Буду рад ошибиться, но следует ожидать новых жертв.

— Как ее фамилия? — спросил полковник. — Кто родители? Из какой семьи?

Лебедев вздохнул, но ответил честно:

— Пристав наверняка знает...

— Ну вот видите: даже фамилией ее не поинтересовались.

— Мне не до того было.

— Говорите, в «Дворянском гнезде» проживает одинокая молодая барышня? Так-так... Значит, вот что скажу вам, дорогой Аполлон Григорьевич: выкиньте из головы эту историю и позвольте Буб... то есть приставу делать свое дело. Невелика птица.

— Что значит невелика? — возмутился Лебедев. — Убита молодая женщина. И ее смерть пытались выдать за самоубийство. Разве мало?

— Голубчик, при всем вашем таланте в некоторых вещах вы исключительно наивны. Неужели не поняли, кто она?

— Курсистка какая-нибудь, актриса...

— Скорее всего, дорогая проститутка, в лучшем случае содержанка. Родителей нет, семьи нет. Талантов нет. Желания трудиться честно — нет. Но есть смазливое личико. Вот и промышляет своим телом. Вы правы, новые жертвы будут. Рано или поздно все они этим и кончают. Нечего тут расследовать.

— Не согласен. Вот если бы Ванзаров...

— Нет больше никакого Ванзарова. Нет и никогда не будет. Забудьте!

От милого любителя обедов не осталось и огрызка. Оскар Игнатьевич явил другое лицо, тайное и до крайности жесткое. Если не сказать безжалостное.

— Считайте это дружеским советом, господин коллежский советник, — добавил он и тут же переменялся: — А все-таки не желаете ли отобедать? Сегодня супчик обещают отличнейший. Нечего дуться, соглашайтесь...

— Благодарю, я сыт довольно, — сказал Лебедев, подхватив чемоданчик, и ушел от греха подальше. В этот миг, дай ему волю, он, пожалуй, в самом деле растворил бы Вендорфа в Мойке. Но если так реагировать на каждую глупость начальства, то в России начальства не останется. В нашей империи надо выдержку иметь.

Подобные рассуждения или сырой воздух Большой Морской улицы пригасили кипение страстей. Выскочив из казенного здания, Лебедев огляделся, словно ища поддержки. Вокруг текла обычная жизнь. Прохожие перепрыгивали лужи. Пролетки обдавали их фонтанами из-под колес. В знаменитом цветочном магазине обновляли витрину. Городовой топтался на углу, грозя кому-то кулаком. Жизнь шла своим чередом. И не было ей дела до какой-то барышни на картинном крюке.

Но кто-то же должен восстановить справедливость. Хоть какой-нибудь завалиющий рыцарь без страха и упрека. Аполлон Григорьевич пришел к печальному выводу: на примете имелся только один кандидат в рыцари. Да и то, честно говоря, не кандидат, а так, одно название.

Но выбора не осталось.

* * *

Николя мечтал стать сыщиком с первых страниц. Мягкие книжицы по пять копеек в ярких обложках, что валялись на уличных прилавках грудками, стали его учебниками жизни. Учителя были что надо: Ник Картер, Рокамболь, сам Лекок, не говоря о мистере Холмсе. Уроки их были столь интересны, что Никола рисковал остаться в гимназии на второй год. Алгебра с географией казались скучнейшей пыткой по сравнению с охотой на злодеев. Он так спешил влиться в ряды великих сыщиков, что подал прошение в столичную полицию. Юношу, к удивлению, приняли. И, несмотря на слезы матушки, присвоили самый низший чин — коллежского регистратора.

Придя во 2-й Литейный участок, Гривцов рассчитывал, что с его-то опытом ему сразу поручат важнейшие преступления. Но оказалось, что ничего важнее пьяной драки или кражи кошелька у купчихи не имеется. Зато молодого начали гонять в хвост и в гриву, кому как нрави-

лось. Коле поручали бегать в лавку за чернилами, за табаком и сахаром, относить почту, приносить почту, менять мелочь, ну и прочие выдумки чиновных коллег. Гениального сыщика держали мальчиком на побегушках. И никаких перспектив.

А еще Коле крепко не повезло. Его зачислили в друзья личности, которая вызвала у всего участка лютую ненависть, а у пристава Бранденбурга при одном упоминании фамилии Ванзаров начиналась икота. Стоило высокому покровительству закончиться, как мальчику припомнили все. Жизнь Коли превратилась в сущую каторгу. Нет, на каторге веселее. Там срок отсидишь и выйдешь вольным человеком. А тут... В общем, Гривцов серьезно подумывал об отставке и тихой жизни обывателя. Тем более на матушку свалились внезапное наследство и домик в Нижнем.

Мысль эта как раз сейчас разгуливала в юной голове, потому что ничего другого там не было. Сидя перед стопкой дел, которые ему поручили переписать начисто и подшить, Коля оступел настолько, что меланхолично жевал угол лацкана. Еще немного, и сюртук был бы съеден до пуговиц. Но тут из дальнего конца приемной части крикнули, чтобы Гривцов явился к приставу. Немедленно. Коля покорно выбрался из-за стола и отправился на второй этаж.

Полковник глядел так, словно перед ним не живой чиновник, а пустое место. Но вместо придинок и замечаний насчет умственных способностей сообщил, что получена депеша из Департамента полиции. Коллежского регистратора предписано направить для исполнения особых поручений. Что он делает с превеликой охотой. Редкое счастье сбыть с рук захудалый товар.

— Вам надлежит явиться по адресу: угол Невского проспекта с Караванной улицей, первый этаж. Это все. Не задерживаю, — сказал пристав и углубился в газету.

Благодарить Коля не счел нужным. Спустившись в приемную часть, он не заметил группу коллег, живо обсуждавших новость, накинул пальто и с невозмутимым видом оставил поле боя. Удивился Коля, когда добрался до места назначения. Оказалось, что вызвали его не в министерский дом, а в кондитерскую. Заведение г-жи Сокольской он прекрасно изучил в части булочек с кремом и горячего шоколада. Может, ошибка? Надо было у пристава переспросить. А теперь что делать? Какое отношение Департамент полиции имеет к булочкам? Разрешить загадку можно было только одним способом.

Интерьер украшали узкие зеркала и талии симпатичных дам, рассеявшихся парочками или в одиночку. Среди тонкого изящества виднелась широкоплечая громада, под которой витой стульчик жалобно пищал. Настроение Коли взмыло вверх, и не раздумывая он бросился со всех ног.

Игнорируя восторги, Лебедев пододвинул стопку эклеров с чашкой ароматного шоколада. И заставил съесть. Сам же грыз леденцы с таким грохотом, что официанты тревожно оглядывались: кажется, в их заведении сухари не подают. Дождавшись, когда юный организм насытится глюкозой, Аполлон Григорьевич спросил:

— Ну, как вам служится в участке, мой юный и непутевый друг?

С набитым ртом Коля принялся жаловаться на беды полицейской жизни. Но это Лебедева не интересовало. Нетерпеливо отмахнувшись, он сказал:

— Не хотите применить свои таланты на поприще сыска?

Что за вопрос! Коля чуть эклером не подавился. Да он... Да ему... Да только дай!

— Рано радуется. Мне нужен помощник, который займется трудными розысками. Сам я, как понимаете, до этого опуститься не могу. Но вот направить вас в помощь

участку — запросто. Бублик только рад будет, что с него груз сняли.

— Я готов! — выдохнул Коля так рьяно, что ошметки пирожного испачкали пиджак.

Меланхолично стряхнув их, Лебедев сказал:

— Ваша задача — рыть. Мне нужны факты. Думать вам не придется, это я на себя возьму. Да вы и не умеете. А вот замечать любую мелочь и влезать в любую щель — потребуую.

— Угу! — ответили ему.

— Николая, жуйте, что ли, здесь же дамы, а вы как поросянок угваздались.

Гривцов смутился и привел себя в приличный вид.

— Когда начинать? — спросил он, стряхивая кусочек крема на колени.

— Не хотите узнать, что за дело?

— Нет... То есть очень хочу. А что за дело?

Аполлон Григорьевич призвал себя к мудрости: горячность еще не значит глупость. Мальчик скоро подрастет и успокоится. А с такой рьяностью, пожалуй, что-нибудь да раскопает. Коля слушал внимательно, не перебивая и свхатывая на лету. Что вселяло надежду.

— Дело непростое, может преподнести пакостный сюрпризец, — закончил Лебедев и заметил, как помрачнел его юный друг. — В чем дело, Гривцов? Не по Сеньке шапка оказалась? Трусите? Уже назад в участок захотелось, к бумагам и кляксам? Если желаете меня разочаровать — не тяните.

— Не знаю, справлюсь ли... — печально, по-взрослому сказал Коля. — Я, конечно, приложу все усилия, но...

— Какие могут быть «но», когда я с вами?

— Родиона Георгиевича теперь нет... Как же мы без него?

Мальчишка настолько искренне наивен, что обижаться на него чистый грех. Лебедев медленно выдохнул и сказал:

— Эта потеря невозполнима. Уже три месяца прошло, до сих пор в себя прийти не могу. Как кусок души отрезали. Поверьте: поимка убийцы будет лучшей памятью Ванзарову. Мы его будем помнить всегда, но раны затянутся. Как ни горько, жить слезами воспоминаний нельзя. Вам еще много чего предстоит сделать. Да и мне, быть может. Пора взрослеть, друг мой. Надо доказать этому индюку Вендорфу, что умный человек... двое умных мужчин могут любую загадку сковырнуть.

Решительно утерев рот, Коля свернул салфетку, сел прямо и сказал:

— Я готов. Можете на меня рассчитывать. Приказывайте, Аполлон Григорьевич.

Лебедев не страдал пороком умиления. И все же что-то такое теплое, что бывает у родителя, когда птенчик впервые сбрасывает пух и машет крылышками, шевельнулось в душе криминалиста. Спуску «бабьим соплям» он не дал. Напротив, строго нахмурился.

— В первую очередь разобраться, кто такая, — сказал он. — Подробности биографии и прочие знакомые. Найдите зацепку, за что могли на крюк подвесить. Выпотрошите ее грязное белье до последней нитки. Ищите и вынюхивайте любую грязь. Ничего не бойтесь, в случае чего валите на меня. Найдем убийцу — с меня горка эклеров.

— Не сомневайтесь: найдем в два счета! К вечеру поймем и скрутим!

* * *

Да что же это такое! Уже четвертый час ожиданий. Крохотные часики нырнули в ридикюль, махнув хвостом золотой цепочки. Их хозяйка пнула носком сапожка фонарный столб. Будто он был причиной ее досады. Столб дрогнул, но выстоял.

Дама не просто сердилась, дама сгорала от бешенства. Она проголодалась, замерзла, устала, промочила ноги и — самое ужасное — ощущала себя в глупейшем положении. Что для солидной дамы крупных форм злее горчицы. Да и несолидной — не лучше.

Ко всем бедам, на нее подозрительно косился городской. Дородная фигура невольно привлекала внимание. Жакет с меховой оторочкой, юбка английской шерсти, заколка с рубином и модная шляпка с перышком говорили о благонадежности не хуже паспорта. На коварную бомбистку или проститутку в поисках клиентов она нисколько не смахивала, особенно объемом талии. Но что подумать постовому, когда упитанная особа без видимых причин бродит взад и вперед по Литейному проспекту, косясь на приличный дом? Только и подумать: непорядок какой-то намечается. Вот именно.

Замученная дама отлично знала, как ее прогулки выглядят со стороны. Но что предпринять — решительно не представляла себе. И от полной растерянности закипала. Не в характере Серафимы Павловны, женщины вдумчивой, крепкой телом и духом, достигшей разумных лет, совершать лихорадочные поступки. Нельзя было соглашаться на эту авантюру, какие бы высокие принципы за этим ни стояли. Ведь предупреждала, уговаривала, все без толку. Надо было самой думать. Так легко поначалу показалось, шло как по маслу. И не страшно совсем. Даже некоторый азарт появился: гулять, словно надета шапка-невидимка. Вроде нового развлечения. Отчего же сегодня пошло наперекосяк? Где эта мерзавка застряла? Как посмела не выйти в положенный час? Никакого представления о приличиях. Куда это годится: все дни как по часам, а сегодня и носу не показывает. А время уходит. Уже темнеет.

Мысленно прокляв игру, в которую ввязалась, и всех, кто ей в этом помог, Серафима Павловна перебежала проспект, заставив хвататься за вожжи случайных извозчиков. К швейцару, топтававшемуся у подъезда, украшенного витой резьбой, она обратилась исключительно строгим тоном:

— Любезный, ты тут... э-ммм... служишь?

Швейцар Медников в меру почтительно приподнял край фуражки с золотым околышем, оценив мощь фигуры и крепость в плечах.

— Всех постояльцев знаешь?

Медников солидно хмыкнул, давая понять, что не обязан первой встречной отчитываться о своих достоинствах. Мало ли всяких сомнительных личностей по проспекту шатается. Даже солидного вида. И вообще покой жильцов — его забота. За них он горой. Не зря чаевые получает.

— Барышня из третьего номера дома пребывает?

Суровость швейцара достигла трагических высот. Он насупился и смотрел исподлобья, словно готов был грудью встать перед неприятелем:

— А вам какое дело? О жильцах справок не даем. Нечего тут вынюхивать... Шли бы вы, мадам, подобра, а то городского кликну...

Знакомство с полицией явно не входило в планы. Серафима Павловна поспешно раскрыла сумочку, порылась в глубинах и представила веский аргумент. Медников принял его так ловко и стремительно, что самый тренированный взгляд не заметил бы, как в шитом золотом кармане исчез серебряный рубль.

— Так ведь они-с того-с... — перешел он на интимно-свойский шепоток.

— Что «того»? — раздраженно не поняла дама.

Медников многозначительно крикнул и эдак страшно глаза выпучил, наподобие раздавленной лягушки. Он старался не нарушить дружескую просьбу пристава: «чтоб ни одна живая душа не узнала, иначе тебе, Мишка, лично язык болтливый вырву».

Серафима Павловна проявила печальное непонимание.

— Любезный, выражайся яснее! — приказала она.

Что было делать? Серебро давило карман, а возмездие маячило где-то в неизвестности. И Медников поддался слабости.

— Нашли ее сегодня поутру, уже холодной, — зашептал он. — Полиции набежало — страшное дело. Сам пристав прибыл-с. Осматривали все, записывали. Потом какая-то важная шишка явилась, слышал: чуть не из Департамента полиции. Наши все из участка по струнке ходили. Такие вот дела творятся...

— Она что — умерла? — спросила Серафима Павловна слегка изменившимся голосом.

— А то как же... Говорят, руки на себя наложила... — Швейцар подмигнул, зачем-то обернулся, словно могли подслушать, и приблизился к даме интимно: — ...но дело куда похлеще будет... Так-то вот!

— Что еще? — совсем уж растерянно спросила она.

— Это все маскировка, пристав приказал туману напустить, чтоб газетчики не пронюхали. Не желает его благородие за статейки в разделе приключений отдуваться перед начальством. Вот и подметает тщательно. А по правде сказать, убили ее жестко и беспощадно. Мучили долго, значит, а потом повесили. Такие страсти творятся, что и на улицу показаться боязно! Так-то вот, мадам.

— Как это... Не может быть... Уже... — начала Серафима Павловна, но вовремя осеклась. Достала из сумочки все, что сумела поймать, и сунула в умело подставленную ладошку. — Вот что, любезный, меня здесь не было, и я ни-

чего не спрашивала. И ты меня никогда не видел... Накрепко забудь обо мне.

Швейцар поклялся хранить ее тайну как свою, не выдав и под страшной пыткой. Даже если пристав ласково спросит.

Дама с распахнутой сумочкой нырнула в толпу, расталкивая локтем случайных прохожих. Над серыми спинами удалялось гордое перышко шляпки.

* * *

Разница между человеком и собакой заключается в том, что собака не стесняется подчиняться привычкам. Человек же делает вид, что свободен и независим, и вообще вертит хвостом, как ему вздумается. Порой незримый хозяин отпускает поводок, чтоб человек порезвился на воле. Но стоит ему дернуть, как двуногий покорно бежит за хозяином.

Аполлон Григорьевич, при всем уме и таланте, так привык, что если дело принимал чиновник полиции, ему оставалось ждать, когда принесут дичь. То есть вещественные улики для исследований. И хоть понимал он, что большой удачей будет, если Гривцов дров не наломает или шею себе не свернет, но привычка поборолла гения. Отправив юного чиновника на розыски, Лебедев душевно расслабился, настроение его улучшилось и потребовало приятно провести время. Про дежурство в департаменте он честно и окончательно позабыл. Для увеселительных заведений было еще рановато. И Лебедев отправился туда, где его настроение всегда обретало зримые формы.

В тихом закутке Гагаринской улицы располагался «Салон мужских причесок Монфлери». Место это сулило мужчине скорое преобразование из земного существа в воплощение мечты всех барышень. Цены здесь были бешеные.

ные. Что бы ни захотелось улучшить мужчине в своем обличье (хотя куда уж лучше, и так идеал!), скажем, усы подзавить, побриться до румяного блеска или уложить височки, да просто одеколоном побрызгать, все обходилось ни много ни мало, а в целый червонец. Сумму, за которую в любой парикмахерской за углом и брили, и стригли не покладая ножниц весь месяц. Так что случайных посетителей здесь не бывало. А если заглядывал несчастный, то бежал без оглядки. Славу Монфлери хладнокровно переводил в деньги. И никто не жаловался, хоть в салоне помещалось всего два кресла. Счастьем было стать постоянным клиентом.

Атмосфера благоухала пудрами. Простыни ломились от крахмальной чистоты, пена росла взбитыми сливками, зеркала горели, а инструменты сверкали не хуже зеркал. Главным сокровищем салона был сам Монфлери. Стриг и брил он, как виртуозный дирижер. Господин незнатного роста в черных кудрях ворковал, как голубь, погружая клиента в приятный гипноз куаферской болтовни, которая не менялась столетия, со времен Фигаро и мэтра Легро¹. Сюда приходили, пав духом в борьбе со служебными и семейными неурядицами. А с кресла вставали отдохнувшими, с таким прекрасным настроением и отражением в зеркале, что к червонцу частенько добавляли другой. Но это позволял себе не каждый, а кто денег не считал. Чаще всего — скромные государственные чиновники.

Криминалист открыл дверь салона и вошел как к себе домой. С должным грохотом стекол под визг дверного колокольчика. Снеся ледяной порыв, опрокинувший вазочку с гвоздичкой, маэстро охнул от восторга:

¹ Придворный куафер Людовика XV, основатель Академии парикмахерского искусства.

— Мой бог! Кого я вижу! Восторг и упоение! Месье Лебедефф!

Восторгался он по-русски на удивление чисто, словно с детства обучен кричать не «Вив ля Франс!», а все больше «Боже, царя храни!».

— Вот думаю, дай загляну в ваш милый уголок, давненько что-то не заглядывал, — сказал Лебедев, метким броском отправляя пальто на вешалку, желтый чемоданчик — аккуратно под нее, после чего задумчиво погладил щеку. — Пора уж побриться, наверное.

Со вчерашнего утра щетина не успела окрепнуть. Но правила салонного этикета следовало блюсти. Визит клиента для Монфлери всегда был долгожданным счастьем. Полагалось подыгрывать. Нет, никто не заставлял и не приказывал, как-то само собой выходило, что клиенты делали то, что приятно хозяину.

— Но каков ужас! — Монфлери буквально схватился за сердце. — Григорий Иванович вот уже ожидает, а в руки Анри я вас ни за что не доверю. Нет, не просите меня, Анри, я слишком дорожу месье Лебедефф. Да вы и так изрядно заняты Иваном Васильевичем. Нет, не просите меня, Анри!

Второй мастер — существо с внешностью рисованного мужчины из журнала мод — и не думал просить такой чести. Он поклонился, не отрываясь от лысеющего затылка, над которым бабочкой порхали его ножницы. Владелец затылка, тот самый Иван Васильевич, с трудом повернул шею, стянутую простыней, поздоровался и сказал, что очень рад. Лебедев ответил тем же.

Монфлери буквально зашелся от страданий, не зная, как справиться с таким горем: долгожданный гость пришел, а очередь занята. Криминалист, приятно убаюканный напором, уже хотел успокоить, что обождет, но тут

газета, висевшая над креслом, пала, открыв господина в строгом костюме.

— Здравствуйте, Аполлон Григорьевич, доставьте удовольствие вас пропустить. Мне совершенно не к спеху. Располагайтесь... — И господин вернулся к депешам «Санкт-петербургских ведомостей».

— Благодарю, Григорий Иванович, — просто ответил Лебедев, усаживаясь в кресло.

Источая любезность, Монфлери затянул клиента в белый кокон. Голова криминалиста превратилась в вишенку над горой сахара. Не прошло мгновения, как вокруг нее распушилась белая пена. Удовольствия начались.

Монфлери взмахнул узкой молнией и нанес нежный удар по облакам, легким дуновением коснувшись щек.

— Что у вас слышно новенького? — Опытный куафер не лез со своими разговорами, а галантно предлагал клиенту излить душу. А для чего еще нужны постоянные парикмахеры! Не стричься же, в самом деле.

— У нас одни новости: яды, улики, трупы, — сказал Лебедев, чувствуя, как блаженство растекается от щек к телу.

— Какой кошмар! Невероятно! — так искренно ужаснулся Монфлери, будто и вправду слышал это впервые. — Какая тяжкая у вас служба! Неужели опять что-то случилось?

— У нас всегда что-то случается.

— Это ужасно. Как пали нравы. Люди готовы убивать друг друга за такие пустяки, как деньги или месть. Разве деньги могут сделать нас счастливее? Я вот, например, искренно презираю деньги, это так, бумага и металл. Но разве и месть не есть самое тяжкое наказание мстителю? Не правда ли?

— Бывает всякое... — Лебедев погрязался в теплый сон, ласкающий и нежный. Не поддержать воркование

куафера было в высшей степени не комильфо. — Вот, например, сегодня...

— Да, да! И что же случилось?

— В меблированных комнатах на Бассейной нашли мертвую барышню.

— О, мой бог! Как ее убили?

— Этого вам не могу сказать, тайна следствия. Убийство коварное и умное. Лишь намекну: фальшивое самоубийство.

— Невероятно! Молода?

— Не старше двадцати трех лет...

— Прелесть! В этом возрасте дамы в самом расцвете, как распутившийся бутон ароматного персика в Провансе! — Монфлери воздушно поцеловал кончики ножниц. — Блондинка?

— Брюнетка...

— Хорошенькая?

— Миленькая, но не в моем вкусе.

— Убийство женщины!.. Как ужасно и как понятно.

Предсказуемо...

— Неужели? — Лебедев даже глаза приоткрыл.

— Конечно! — сказал Монфлери. — Если убита молоденькая барышня, наверняка дело ручек другой барышни. Уж поверьте мне...

— Много встречали убитых барышень?

— О, вы шутник, господин Лебедефф! Нет, Монфлери всего лишь знает жизнь, он знает женщин. Нет страшнее хищника, чем женщина, оскорбленная ревностью. Она способна на все, чтобы защитить свое гнездо, свой очаг. Они хитры и коварны в своей мести. Умны, как змеи, беспощадны, как драконы. И потому Монфлери никогда не прикоснется к женским прическам! Поверьте мне...

— Обещаю обдумать ваши слова...

— И не пожалеее! Ищите женщину, и вы всегда найдете преступника. Во мне французская кровь, а сколько ее пролили ревнивые и преступные женщины... О да!.. За что же с ней поступили так жестоко?

— Это выясняет следствие.

— Как любопытно! Кто же сыщик? Наверно — вы? Я угадал? Признавайтесь!

— Вот еще, не хватало сыском заниматься, — сказал Лебедев, борясь со сладкой зевотой. — Следствие в надежных руках. Поручил его лучшему ученику великого Ванзарова.

— А кто такой этот Ванзаров? — удивился Монфлери. — Никогда не слышал.

— Он сторонился дешевой популярности. Сама скромность. Лучший сыщик столицы, а может, и России.

— Так приводите его к нам! Что же прячете такой талант!

— К сожалению, это невозможно... Он погиб, исполняя служебный долг.

— Такая потеря!

— Невосполнимая. Но ученик должен превзойти учителя. Скоро, если уже не сегодня, убийца будет изобличен и пойман. — Кажется, Аполлон Григорьевич и сам в это поверил. Так ему было хорошо.

— Это прелестно! — сказал Монфлери, совершив последний взмах и глядя в зеркало на свое произведение. — Горячий компресс, мон шер, — это то, что сейчас нужно.

Шелковые щеки не возражали предаться сладкой пытке. Принесли полотенца, нагретые ровно настолько, чтобы не обжигать, а холить кожу теплом и ароматом ванили с мятой. И Лебедев погрузился в них.

Сквозь волны блаженства Аполлон Григорьевич слышал, как сосед отказался от укладки, сославшись, что слишком торопится. Судя по вздохам, Монфлери был

опечален, что Анри не смог вознести драгоценного клиента на высоту удовольствий и тот уходит не совсем идеальным. Приличия требовали сказать «до свидания» знакомому, но жар полотенец был так хорош, что не было человеческих сил оторваться от него. И Лебедев остался в жаркой темноте.

* * *

Роберт Онуфриевич не мог поверить такому счастью. Откуда ни возьмись свалился спаситель. Хоть росту в спасителе от силы два с половиной аршина, молоко с губ обсохло на днях, да и чин самый пустяшный, но теперь есть на кого взвалить обузу. Мальчишка на вид — желторотый птенчик, но раз от Лебедева прислан, значит, есть за что. А приглядишься: и смысленный, и напористый, и хваткий. Как появился, так и затребовал дело. Сердце пристава невольно умилялось стараниям юноши. Его-то родное дитяtko схожих лет утруждало себя лошадьми на скачках да актрисками в театрах. А этот — трудяга, вон как принялся.

Бублик предоставил карьере великого сыщика двигаться без помех.

Первое время Коля ожидал, что сейчас его погонят в лавку, но чиновники 1-го Литейного вели себя уважительно, а дежурный принес чай, да еще с сахаром. Гривцов покраснел, кое-как пробормотав благодарность. И за бумажки взялся со всем старанием.

В них было не так уж и много дельного. Жертва — Саблина Мария Ивановна, двадцати шести лет, из мещанского сословия. Зимой 1893 года приехала из Вологды на заработки. Паспорта не имела, но разрешение на проживание в столице было выправлено как полагается. В домово́й книге «Дворянского гнезда» была зарегистрирована чуть меньше девяти месяцев назад. Где проживала до этого —

ничего не сообщалось. Но установить это полиции по силам, только времени отнимет. По словам владельца мебелированных комнат, платила исправно и в срок. Источник ее доходов следствие установить не успело. К делу только прилагалась справка: среди билетных¹ Саблина не числится. Никаких жалоб от соседей на нее не поступало. Из ближних лавок брала чай, кофе и сладости. Как видно, кормилась не дома.

Швейцар показал: парадное отдельное, располагается за углом дома, на Бассейной, он все время у главного входа на проспекте. Около половины десятого прибежал посыльный с огромным букетом. Не прошло и пяти минут, как раздались жуткие вопли. Швейцар застал посыльного сползающим по ступенькам, дверь в квартиру распахнута. Показания редких соседей сводились к простым выводам: никто ничего не видел, Саблину почти не знали, она ни с кем не общалась. А гостей ее не знали и подавно.

Далее шли описание места преступления и снимки, которые успел сделать фотограф полицейского резерва. Коля мужественно рассматривал тело, висящее среди бра, и портрет, снятый на полу, убеждая себя, что привык к виду человеческой плоти. И, набравшись духу, стянул снимок, чтобы предъявить уличенному убийце. Он оставил у дежурного записку для пристава, где просил, чтоб его не ждали, помахал милым чиновникам и отправился в мебелированные комнаты. С непременным желанием выйти на след преступника.

Но его ожидало внезапное препятствие.

¹ Проститутка, имеющая регистрацию Врачебно-санитарного комитета. Имела право легально заниматься промыслом на улицах. Получала желтую книжечку — билет, в котором отмечались даты врачебного осмотра.

Окинув взглядом существо в пальтишке и стоптанных ботинках, лепетавшее вздор, Медников прикидывал: сразу дать подзатыльник или обойтись щелбаном. Сопливый шпиндель с налету задает вопросы, какие и полиция не смела. Наверняка репортеришка вынюхивает. Пропечатает статейку — хозяин голову снимет.

— Иди-ка отсюда, пока цел, — сказал он, метко сплевывая у самых ног мальчишки.

Мальчишка не растерялся, не подался в бега, а потряс зеленой книжечкой Департамента полиции:

— Чиновник для особых поручений Гривцов, извольте отвечать! Или вызову в участок, там разговор другой будет...

Коле стоило гигантских, всех имевшихся у него усилий, чтобы голос не дрожал. Но он все равно дрожал. Впрочем, Медникову хватило. Приняв строгое положение спины, он целиком проникся помощью следствию.

— Вспоминайте, кто приходил утром, — потребовали от него.

Вспоминать было нечего. Медников встал на посту как обычно — около восьми. Но пост его находился здесь, у парадного входа. А за тем парадным следить не обязан. Жильцы этого не требуют. Даже наоборот. Так что проходивших мимо него готов указать, а что творилось за углом — извините.

— Что можете сказать о барышне Саблиной?

Что тут сказать? Барышня как барышня. Вежливая, всегда здоровалась первой. Жила тихо, незаметно. Переехала чуть меньше года назад. Особых гостей у нее не бывало. Поначалу частенько ходила куда-то с папочкой на тесемках. Но потом перестала. Одевалась хорошо, наряды часто меняла. Иногда к ней посыльный прибежал с цветами. Но от кого — неизвестно. Постоянных гостей швейцар не мог припомнить, наверное, они не хотели

быть узванными. Мало ли к кому человек идет, ему спрашивать не положено.

Получив столь важные сведения, Коля потребовал отвести его на место преступления для личного осмотра. Там уж наверняка найдет зацепку. Но Медников встал на смерть: дверь опечатана, а к гербовой печати не притронется и никому не советует. Пристав повесил, пусть сам и рвет. И свернуть швейцара было невозможно.

Оставалось приберечь силы для будущих побед. Поднявшись на второй этаж, Коля уткнулся в дверь, перечеркнутую грозной бумажкой. Напротив была такая же дверь из лакированного дуба. На долгий звонок открыла горничная в чистейшем переднике с шаловливыми глазками. С первого взгляда гость ей понравился. И усики такие трогательные: крохотные, только пробились. Она сладко улыбнулась и спросила:

— Чего вам, мальчик?

Дав петуха от волнения, мальчик объявил себя представителем власти. Чем окончательно покорила Марусю: такой молоденький, а уже «для особых поручений». Было Марусе что ему поручить. Перед взором пронеслись захватывающие картины, как она выскакивает из горничных за будущего министра полиции или что там происходит в женских мечтах. В общем, Коле были очень и очень рады. Пригласили на кухню, благо хозяева отправились с визитом, и готовы были ответить на любые вопросы. Какие ему захочется. Например, свободно ли сердце Маруси.

Гривцов и не думал задавать дурацкие вопросы. Про умные не забыть бы. Словно шагая по шаткому мостику, держась и качаясь, он спросил о соседке. Хоть Марусе это не понравилось, но уговаривать себя не заставила.

Саблина жила одна. Но ее навещал некий господин. Маруся видела его только со спины, да и то в замочную скважину, одет хорошо, чисто. Других подробностей о таинственном госте не нашлось. От общений с горничной

барышня Саблина уклонялась, хотя была не лучше ее. И по возрасту ровесницы. Маруся выведала, что до переезда в «Дворянское гнездо» та давала уроки музыки и еще немного после. Видно, вытянула счастливый билет и недостатка уже не знала. Наряды стала менять не глядя. И вовсе здороваться перестала. Заносчивая, возгордилась. С соседями не общалась. Такая важная, что ты! Не подойдешь.

— Кто сегодня утром приходил к ней? — спросил Коля, ожидая описания убийцы.

Как ни хотела Маруся помочь хорошенькому чиновнику, но не могла. Выбежала из квартиры, только когда посылный заорал как резаный. С утра дел невпроворот. То на кухню, то в спальню хозяйки, то одно принеси, то другое достань. Некогда и в замочную скважину заглянуть.

— А постоянный гость когда приходил?

Маруся призналась, что видела его от силы раза три. И только со спины. Но все больше по утрам бывал. Довольно рано.

— В последние дни Саблина была печальна или испугана?

Куда там! Так прямо цвела, что сил нет. Одно расстройство для честной горничной. Только успевала наряды менять. Вчера вот доставили новое платье и шляпный короб.

— Кто мог желать ей гибели?

Тут уж Маруся развернулась. Расписала барышню в таких красках, что Коля смекнул: показания свидетеля портил мелкий недостаток — лютая женская зависть. Верить ей нельзя. Что ж получается: преступника вот так запросто не поймать? Даже толкового следа не нашел. И что делать дальше, было решительно неясно. Обещание «найти в два счета» таяло как февральский снег. Внезапно оно растаяло совсем, и Коля оказался посреди пустыни. Им овладела растерянность, переходящая в мелкий, противный страх: а вдруг ничего не получится? Вдруг это дело